

В начале века

*Август 1905 г., Россия
Колноберже – Ковенская губерния
поместье П.А. Столыпина*

Объезжая как-то в жаркий солнечный день свои земли, крупный землевладелец, помещик Бурцев Арсений Никитич присмотрелся к косьбе на столыпинских пажитях и, как ему показалось, в одном из косарей он узнал самого Петра Аркадьевича Столыпина бывшего гродненского, а теперь саратовского губернатора и владельца имения Колноберже, под Ковно.

Арсений Никитич направился в его сторону, чтобы убедиться, так ли это?

– Ба, неужто сам губернатор, – выразил свое удивление и восхищение Бурцев, подъехав к Столыпину, – сердечно Вас приветствую, Петр Аркадьевич.

– Здравствуйте Арсений Никитич, а я здесь уже неделю. Заскочил ненадолго семью проведать да и от дел наших подышать свежим воздухом. Думаю, что это уважаемый Арсений Никитич по-соседски не заглядывает, хотел сам собраться к Вам, да вот все дела и заботы.

– Воздух у нас преотменный, особенно по утру или когда вечерет, многотравьем пахнет, а заглянуть в лес на бугорок в сосны в полуденное марево, так как там запах особый: хвойная прель сливается с запахом земляники и эфиром, исходящим от муравейных куч. Там, я знаю, не все выдерживают, некоторые барышни даже в обморок падают.

– Да, такие места на вырубках не редкость.

– А что это Вы, любезный Петр Аркадьевич, не губернаторским делом заняты?

– Не губернаторским это точно, но помещичьим, а значит, как я разумею, важным и нужным.

Богатый помещик П.А. Столыпин, владевший несколькими имениями, говоря так, вероятно, не приминул воспользоваться возможностью показать себя либералом, а в действительности, размяться в охотку после сидения в кабинете и вдохнуть свежего, настоящего на многотравье воздуха.

– А я, знаете ли, – с удовольствием заметил Арсений Никитич, – глядя на косарей по прежнему люблю изучать историю и философию.

– Я помню это Ваше увлечение и завидую, сам бы с удовольствием занялся этим, но дела, дела, все дела. Моя теперешняя служба съедает все

В начале века

время, даже вечерами приходится доделывать то, что не успел сделать днем. Арсений Никитич, вот что, едемте сейчас ко мне, езды здесь не более двадцати минут. Хотя до обеда еще далеко, но, думаю, чаем нас напоят да и наливочкой на вишне или смородине угостят. За чаем Вы расскажете мне, о чем пишут современные философы и историки, я люблю Вас слушать. Вы очень интересно рассказываете, но и готов поспорить, особенно теперь, когда по опыту службы пришлось на некоторые вещи взглянуть иными глазами.

– Что ж, провести часик, другой в Вашем обществе, дорогой Петр Аркадьевич, всегда с удовольствием. Я вижу, Вы сюда прискакали верхом. Садитесь ко мне, места хватит, а Вашего коня кто-нибудь потом пригонит, пусть пока попасется на сочной травке и попьет родниковой водицы, она у нас славная, даже какая-то сладковатая.

По дороге Бурцев поинтересовался, как живет Столыпину в Саратове после Гродно.

– Честно говоря, Арсений Никитич, скучаю по нашим местам, но вообще-то привыкаю. Люди, вроде, такие же, как и у нас в Гродно и Колноберже, проблемы те же, но все не то, все как-то по особому. Народ эмоциональный, живут больше страстями, чем разумом.

– Ну а как там относятся к Вашей идее организации хуторских хозяйств?

– По разному, знаете ли, но многие, мне кажется, не понимают, о чем идет речь, а если понимают, то не знают, зачем это надо? Говорят: «Жили без хуторов и еще без них проживем». А что крестьяне, так те вообще темны и невежественны, не видят своей выгоды, или хитрят – не хотят работать, только и слышишь: «Общину ломать? Не позволим». Не понимают, что на их общину никто не посягает, хотя ее время давно прошло. Из-за общины у них бедность и распад хозяйства. А они все свое: «Мы люди не завистливые, что имеем и тому рады, а если и это потеряем, то кусок хлеба добрые люди всегда подадут, нам и его хватит». Ну мы приехали.

Расположились они на широкой террасе перед парадным входом, которая в сущности была превращена в цветущий дворик, спускающийся по широким ступеням вниз, где располагалась разноцветная клумба, обрамленная подстриженными кустами.

Поставили на стол самовар с кренделями и вареньем, графинчик самодельной наливочки, тарелочку с тонко нарезанным домашним сыром, ноздрястым и с прозрачной «слезой». К сыру подали желтого сливочного масла. Петр Аркадьевич с удовольствием осмотрел стол, спросил: «Кренделя когда пекли?»

– Утряшние, еще не совсем остыли.

Столыпин взялся за графинчик наливки.

В начале века

– Вообще-то я не пью, но с Вами, за встречу да под чай немного с удовольствием.

– Ба...! – довольно протянул Бурцев, – это не просто вишневая наливка, что-то в ней еще духовитое, вот только, что – не пойму?

– А мы давайте еще по рюмочке. Вы, Арсений Никитич, не смущайтесь и на меня не смотрите. Я хоть сам и не очень горазд, но других не осуждаю. К тому же наливочка такая славная. Есть у меня одна селяночка, большая умелица. Она, когда заряжает бутылки, никого не допускает. «Вишневка», говорит, и все, остальное не Ваше дело. Ей Семен воду возит с родника из-под лесного бугра, что за лосым лугом. Он почитается не иначе, как святой источник. Батюшка, говорят, в старые времена освятил его. Мужики укрепили стенку оврага, вмонтировали трубу и навес соорудили. Так косари туда обедать и отдыхать ходят с поля. А еще, метрах в десяти-пятнадцати от родника, они размыли лужицу в ручье, расширили ее, углубили. Получилась как ванночка, в которую поместятся два человека. Народ пристрастился нырять в нее. Говорят, что тело освежает, но холода не чувствуется. Даже на крещение ходят нырять и никто ни когда не заболел. Считается, что та вода лечит. Ну да Бог с ними, пусть развлекаются, радости у мужиков в жизни мало. Пусть ныряют, лишь бы работали и в политику не лезли.

– Кстати о политике. Вы не слышали, что там в Петербурге, Москве? Говорят, не спокойно. Радикалы совсем распоясались, людей смущают?

– Да, что наши столицы? Они и в Саратове жить не дают спокойно. У них ведь как повелось? Стоит правительству приступить к реформам или еще только подготовиться к ним, как эти начинают критику, все им не так и не эдак, а главное взялись обвинять правительство, реформы, мол, только чтобы обмануть свой народ. Радикалы, они чувствуют, что, если правительство встанет на путь реформ, то окажется, что революционеры никому не нужны, что Россия способна без них идти по пути прогресса. Но они смущают людей заверениями – стоит только произвести революцию, так со дня на день жди улучшения жизни, хотя общеизвестно – так не бывает, особенно при сильно запущенных российских порядках. Только эволюционно, то есть постепенно, шаг за шагом можно добиться успеха, как на ступеньках, постепенно поднимаясь по ступеням зрелости общества. А эти отщепенцы сами никогда не работали и ничего не понимают в хозяйственной деятельности. Что и могут, так это гундосить по подворотням о равенстве, уравниловке в земельных отношениях, свободе. Обещают дать народу свободу и землю, а кому нужна такая свобода и земля, если управляться на ней нечем: инвентаря у многих нет, и денег у них нет. А мужик этого не понимает и готов поверить всякому горлопану.

В начале века

Не зря экономист Карл Маркс писал: «Призрак коммунизма бродит по Европе». На деле оно так и вышло – призраком был, им и остался. Благо Европа поняла это и прекратила баловаться революциями.

– Да, действительно, когда производство выросло, люди поняли, что нужно больше работать. Вон американцы, только накопят денег на заводах и фабриках, так сразу бегут на Запад, покупают землю и строят свои фермы. А что касается социализма, то это болезнь молодости, призрак он и есть призрак. Значительная масса социалистов, повзрослев, становятся консерваторами, государственниками, понимают, что создано поколениями, одним махом ломать нельзя, нужно терпение, чтобы дальше двигать производство, тогда от него польза будет расти, а зла в обществе будет становиться с каждым шагом все меньше. В Англии это поняли давно, там промышленность на протяжении всего XIX в. была на подъеме, и результат – никаких призраков и ни одной революции. Так к концу века и во всей Европе пугало социализма развеялось и перешло к нам, так как мы опаздываем в наших делах, и нынешняя революция, видимо, не последняя.

Аркадий Петрович, и все-таки, как же быть со «свободой, равенством и братством», ведь за них со времен Великой Французской революции идет борьба во всем мире. Сами-то они не придут? Я хоть и помещик, но и меня смущают наши некоторые порядки. Если мои крестьяне не будут требовать, я им землю так просто не отдам.

– Отдадите, Аркадий Никитич, и с удовольствием, если менять отношения в деревне постепенно и убедить Вас, что одному Вам уже не выгодно тащить этот груз. Ломать отношения силой – пустое занятие. Вот Вы вспомнили французскую революцию с ломкой общественных устоев, ну а к чему она привела? К диктатуре. В Англии в XVII в. – к протекторату Кромвеля – та же диктатура.

– А в Америке? Там обошлось без диктатуры.

– Обошлось, но там и революции не было. Война за независимость колоний нечто иное. Они добились свободы от английской короны и стали равными.

– Что значит равными? Там то же остались богатые и бедные. Сохранилась частная собственность.

– Понятие равенство социалисты превратили в рождественскую сказочку. Мало провозгласить равные права и возможности, они должны на что-то опираться. Вы, Арсений Никитич, удивитесь, если я скажу, что такой опорой является принцип «священной и неприкосновенной частной собственности».

В начале века

– Вот тебе раз? Я много прочитал социалистической литературы, хотя по своим идеалам далеко не социалист, так они только и пишут об ее уничтожении, об уравниловке.

– Я же говорю, что социалисты ничего не понимают в делах хозяйственных и управлении государством. В лучшем случае они утописты, в худшем – провокаторы, хотя в повседневности эти понятия сливаются в хронический идиотизм.

Государство гарантирует неприкосновенность частной собственности, – Столыпин разлил еще по рюмке наливку и пригубил. – Выпейте рюмочку, Арсений Никитич, а я продолжу. Оно своими законами предоставляет права и разъясняет возможности граждан. Но каждый может по-своему воспользоваться ими или нет. Вот в чем заковырка. Одни воспользуются полной мерой, другие меньшей. Отсюда богатство и бедность. Одному повезло на бирже, другому нет. Или возьмем крестьянскую семью. У одних пьянство с утра до ночи, у других работа. В одной семье семь человек рабочих рук, в другой три-четыре. У кого земельный надел больше, кто получит большую прибыль? Понимаете, о чем я говорю. Нужно тебе еще землицы, возьми отруб. Малодетная семья не возьмет, так как они на выделенной им общиной земле еле-еле справляются. Вы помещик, у Вас работают крестьяне, но работают они не на себя, и Вы недовольны их работой. Поркой Вы их не заставите работать лучше, а Вы отдайте им часть земли в аренду. И сноровистому мужику будет хорошо, и у Вас – хлопот меньше.

– Ну, Петр Аркадьевич, Вы обрекаете бедного мужика на постоянную нищету.

– Никак нет, Ваше благородие, – улыбаясь, парировал Столыпин. – Твердая политика государства в области экономики, права и образования, развивающаяся эволюционно и способная все больше и больше помогать слабым людям бороться с бедностью – вот и получается, что все люди братья. Когда сильные посредством государства помогают слабому и обозначается движение по пути прогресса, то, что революционеры называют социализмом. И вообще, кто придумал слово революция? Эволюция – это движение вперед, а революция – движение назад. В той же Англии в первой половине XVII в. И понятия то такого – революция, – не было, только потом реставрацию Стюартов называли «славной революцией», т.е. возвращением к прежнему правлению. В истории достаточно примеров, когда так называемые революции оставляли после себя хаос, а он, как антисанитария для размножения вредных разных микробов, – питательная среда для радикалов и всяких отщепенцев общества. Поэтому я и говорю: что угодно, только не

В начале века

революция, тогда вопрос «быть или не быть» решится однозначно – не бывать сильной и просвещенной России.

– Петр Аркадьевич, Вы убедительно все говорите, я в восторге от Ваших светлых мыслей. Но как Вы объясните, что вся новая история наполнена революциями?

– Очень просто. Власть имущие опаздывают с реформами и не успевают за перенасыщением общества пороками, вот общество и саморегулируется. Это как больной человек, если его не лечить, он начинает лечиться сам и часто не так как надо, после чего умирает, либо остается калекой.

Чего греха таить, Россия в этом отношении, конечно, чаще запаздывает. Отсюда и невежество русского мужика и отчасти справедливые обвинения европейцев.

– Это Вы верно заметили – отчасти. Но они-то твердят о «ценностях общепринятых во всем цивилизованном мире». А мы, выходит, нецивилизованные. Да, наша культура не уступит никому в мире. Но им не важно, они хотят, чтобы мы отказались от нашей культуры и восприняли их. Единой культуры и философии, я считаю, быть не может, и ценности у всех свои. Хотя есть и общие. К примеру, христианство – вот единый источник для всех европейцев. Но мы его признаем и ценим, но не все исполняем. Так и они не все исполняют. Сказано: не убий, так убивают; сказано: не укради, так крадут и так далее. Так давайте вместе об этом говорить, нам есть, что сказать, а поучать нас, как нам жить, вот этого не надо, сами разберемся. Не так ли?

– Конечно так. Я много об этом думал. Но многие, к сожалению, только и ловят, что скажет «мировая цивилизация», а есть ли она одна на всех, об этом не думают.

Впрочем, дорогой Арсений Никитич, я хотел послушать Вас и Ваш рассказ о новинках философской мысли, что для меня сейчас очень важно, а получилось наоборот. Я сам разговорился, соскучился по свободному общению.

– Это ничего, в следующий раз приезжайте Вы ко мне. У меня тоже есть отменная наливка, я Вас угощу наливкой из красной смородины. Вкус! Я Вам скажу..! А запах какой?! И свой спец имеется, – понизив голос и посмотрев по сторонам, он, как заговорщик, сообщил, – колдун, да... да... колдун, его в нашем имении все таким считают. Однако зла он никому не приносит, но больных исцеляет. От его настойки утром чувствуешь себя на десять лет моложе.

Столыпин посмотрел на часы.

– А знаете что, Арсений Никитич, время уже обеденное, оставайтесь. Вместе пообедаем, продолжим наш разговор.

В начале века

– Спасибо, добрейший Петр Аркадьевич, в другой раз с удовольствием, а сегодня супруга и дети ждут меня к обеду. У нас, знаете ли, сын приехал из армии погостить на несколько дней. Да и дочка не балует, с возрастом все чаще по гостям стала разъезжать. А здесь такой случай, вся семья в сборе.

– Что ж, до встречи, рад был нашему общению.

– Я тоже, так на днях до Вашего возвращения в Саратов ждем Вас с супругой. Непременно приезжайте

– Она у меня вчера простудилась. Думаю, сегодня–завтра отлежится, а послезавтра с утра пришлю Вам ответ.

Бурцев уехал, а Столыпин еще какое-то время сидел за столом и смотрел, глубоко задумавшись куда-то вдаль. Потом словно очнулся от своих мыслей: «Да, – задумчиво, ни к кому не обращаясь, – не опоздать бы.., только не революция».

* * *

Петр Аркадьевич Столыпин происходил из дворян старинного рода, известного еще в XVI веке. К одной из ветвей Столыпиных принадлежала Елизавета Алексеевна – бабушка М.Ю. Лермонтова, которого, впрочем, сородичи не жаловали за «невыносимый характер».

Отец Петра Аркадьевича – Аркадий Дмитриевич – был известен в годы Крымской войны, в которую выслужился до адъютанта командующего армией князя М.Д. Горчакова. Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. он встретил уже в генеральском чине.

Военная служба Аркадия Дмитриевича не иссушила его душу. Он оставался жизнерадостным человеком, пристрастившимся на службе к картам. В картах ему часто везло. Играл по крупному и однажды выиграл даже имение Колноберже.

На уровне хорошего дилетанта сочинял музыку, играл на скрипке, увлекался скульптурой, изучал богословие и историю. С времен Крымской войны долго дружил со Львом Николаевичем Толстым. Казалось, после всех перипетий войн, потерь и разочарований он спешил полной мерой восполнить годы войн безмятежным времяпрепровождением в кругу семьи и друзей во всем полюбившемся Колноберже.

Его жена – Наталья Михайловна была грамотной и просвещенной женщиной – дочкой М.Д. Горчакова, у которого Аркадий Дмитриевич служил. У нее был свой круг друзей и близких знакомых. В этот круг входил Н.В. Гоголь, который не вызывал восторга ее подруг, считавших его странным человеком за всегда неряшливый вид.

В начале века

Семья Столыпина жила в то время в Литве с выездом на лето в Колноберже или в Швейцарию, но Петр родился в апреле 1862 г. в Дрездене, где тогда находилась его матушка. Чета Столыпиных считалась просвещенным семейством. Подростивший Петя равнодушно относился к музыке, но любил литературу и живопись. А став взрослым и отцом семейства, любил сочинять своим дочкам сказки и забавные рассказы. Не курил и не пил вино, в отличие от отца почти не играл в карты. Волею судьбы, живя в западных землях Российской империи, он впитал в себя культуру и традиции литовско-немецкого населения и плохо разбирался в порядках, царивших в исконно русских землях.

Образование он получил техническое, закончив физико-математический факультет Петербургского университета. Учился прекрасно. Однажды экзамен у Д.И. Менделеева так увлек того и другого, что профессор и студент развернули бурную дискуссию о табачных культурах Южной России. Когда Дмитрий Иванович очнулся от разговора и посмотрел на часы, он удовлетворенно подвел итог: «Однако, молодой человек, мы засиделись. На сегодня будет. Великолепно, пять без сомнений».

Женился Петр Аркадьевич рано. Жена его, Ольга Борисовна, ранее была невестой убитого на дуэли старшего брата Петра. Петр Аркадьевич стрелялся с убийцей брата и получил ранение в правую руку.

Таких людей, как Петр Аркадьевич, обычно называют баловнями судьбы. Действительно, его детство и юность прошли под лучами дружной богатой семьи, в полной мере воспринявшей культуру своего времени и привыкшей ни в чем себе не отказывать.

Женитьба его сыграла решающую роль в дальнейшей карьере. Дело в том, что его жена была любимой дочерью Б.А. Нейгарда – почетного опекуна Московского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии Федоровны.

В семье Столыпиных получили распространение пристрастия одного из членов клана – Дмитрия Дмитриевича, долго жившего за границей и исповедовавшего философию О.Конта. Вернувшись в Россию, он написал книгу «К вопросу философии права» и решил заняться переустройством крестьянского деревенского быта. Но мужики не поняли затеи барина и считали все это чудачеством и баловством. Тогда он понял, что корень зла в крестьянской общине, где личность притеснена, а порядки попросту не красивы.

С 1885 г. у Петра Аркадьевича началось восхождение на правящий Олимп государства Российского. Для него – человека неизвестного в Питере, предстоял нелегкий путь. Однако обнаружились внутренние пружины, которые успешно его проталкивали по ступеням чиновничьей лестницы.

В начале века

В 1885 г. Петр Аркадьевич поступил на службу в Министерство государственного имущества, но рутинная работа была молодому человеку не по душе, и в 1889 г. он перешел в Министерство внутренних дел. Живя в Петербурге он продолжал поддерживать тесные связи с родиной и ковенские дворяне избрали его в 1899 г. своим губернаторским предводителем.

В 1902 г. встал вопрос о губернаторе в Гродно. Поручение подобрать кандидатуру было дано Министру внутренних дел В.К. Плеве, который считал, что такие должности могут занимать только местные землевладельцы. Он и предложил молодого и перспективного П.А. Столыпина, пользовавшегося уважением местного общества, к тому же слывшего либералом, что в ту пору было модно.

Став губернатором Гродненской губернии, П.А. Столыпин создал на основе материалов общегосударственной программы подготовки аграрных преобразований М.Ю. Вите местные Комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Литва тогда почти не знала хуторов, а крестьяне, как и везде, жили в деревнях, и их земли были разбиты чересполосицей. Столыпин же, бывая в Восточной Пруссии, был знаком с хуторскими хозяйствами, считал их образцом, лелея мечту перестроить деревню на хуторской лад. На заседании центрального Гродненского комитета он впервые изложил свои взгляды. Лейтмотивом выступления было заявление, что народ темен и невежественен, но и не следует ожидать его просветления, а нужно улучшать его быт по своему усмотрению, без этого проведение требуемых мероприятий будет отложено на неограниченный срок. Основа реформ: уничтожение чересполосицы и расселение крестьян на хутора. Члены Комитета в основном горячо его поддержали, но в ряде выступлений чувствовались намеки против образования мужиков, некоторые выступавшие считали его излишним и даже вредным.

– Крестьянская масса с введением обязательного образования или с расширением доступа в школы, несомненно, будет стремиться в будущем к государственному перевороту, социальной революции и анархии, – заявляли они.

– Господа, – горячо парировал Столыпин, – бояться грамоты и просвещения, – бояться света. Так нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не приведет к анархии. Для многих культурных стран может служить идеалом общее образование в Германии.

Однако в Гродно реализовать свои идеи Петр Аркадьевич не успел, так как через десять месяцев он был переведен губернатором в Саратов. Фактически его семья поехала в незнакомую страну, учитывая, что вся его прежняя жизнь прошла на западе. В коренной же России он бывал исключительно редко и, тем более, русскую деревню практически не знал.

В начале века

Новое назначение он получил не в лучшие для России годы: в 1904 г. началась война с Японией, в 1905 г. – революция. По поводу войны он печально заметил: «Грустна и тяжка война, не скрашенная жертвенным порывом, но каждый сын России обязан по зову своего царя встать на защиту Родины от всякого посягательства на величие и честь ее».

В годы революции он был замечен как губернатор, в значительной мере усмиривший одну из самых буйных губерний. Столыпин считал, что для подавления революции хороши все средства, поэтому он опирался на черносотенцев и всех ее яростных противников вплоть до умеренных земцев. Хотя без участия войск и здесь не обошлось. Да и сам он в 1905 г. не смущался самой грязной работы. В сопровождении казаков он разъезжал по губернии. В Балашове в него угодил один из камней, брошенных черносотенцем то ли случайно, а может и намеренно, но это Столыпина не смутило и он продолжал свой рейд. В одном из бунтовавших селений группа добропорядочных крестьян встретила его хлебом и солью, но разъяренный беспорядками Петр Аркадьевич не слезая с коня ударом сапога вышиб хлеб из рук старосты, и поднос с хлебом улетел куда-то в толпу, из которой на него двинулся верзила с колом в руках. Столыпин, сверкая глазами, спрыгнул с коня.

– Ну, что, мужики, бунтовать вздумали, – снимая шинель, зарычал он.

Толпа притихла, думая, что он собрался драться с верзилой, но губернатор бросил шинель ему со словами: «Подержи-ка, что-то я запрел».

Верзила от неожиданности выронил дубину и принял шинель губернатора аккуратно через руку.

– Так бунтуете или хлеб-соль мне предлагаете? Что примолкли? Чего не хватает? Староста, чего не хватает?

– Так, Ваше высокоблагородье, некоторые требуют свободы и земли.

– Земли вам мало? Во-первых, я видел, что земли плохо ухоженные. Урожай сам не вырастет, за ним и вообще за землей уход требуется, а вы ленитесь, не хотите хозяйствовать по-новому. Рачительные хозяева, наверное, не кричат: «Земли мало», а отжимают и той, что имеют, столько, что на жизнь хватает, и продают излишки.

Столыпин сделал шаг вперед, толпа отступила. Высокий рост губернатора, косая сажень в плечах, горящий властный взгляд, резкий тон разговора, дополняемый отборной бранью, угрозы Сибирью и каторгой произвели впечатление.

– Ну, а кому земли действительно не хватает, а есть силы поработать, я сейчас же подпишу указ об их переселении на хутора. Кто хочет на хутор, поднимите руки.

Поднялось несколько рук.

В начале века

– Михаил Михайлович, – обратился он к главному землеустроителю, – перепишите всех желающих и подготовьте прошение от их имени, сейчас же подпишу его.

Среди мужиков прошел одобрительный гомон и голоса: «И меня, и меня». Верзила с шинелью губернатора засуетился, нервно задергался: «А я, что, рыжий? И меня то же».

Столыпин не выдержал и рассмеялся, вслед за ним заржала, загоготала и захихикала вся толпа. Только самые отъявленные подались назад.

– То-то же, а то, ишь – земли им мало. А какой такой свободы вам мало, – вдруг серьезно опять вспылал Столыпин, – не свобода вам нужна, свободы у вас хватает и законно получите еще.

Вы хотя бы Высочайший манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», недавно подписанный Государем-императором, читали?

– Слышали, – раздалась в толпе голоса.

– Так чего же вам надо? Там прямо сказано: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Государь даже часть своих прав передал Государственной думе и установил, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Думы. Ну? А вы говорите свободы Вам мало. А если кому-то и этого нехватает, то Государь сам обещает «дальнейшее развитие общего избирательного права», а сейчас призывает к участию в Думе «те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав». Вот она настоящая забота о народе и его свободе. Но, понятно, всех вопросов одним махом не решишь. Кое-кому анархии не хватает, дурят, мужики, вам головы. На дармовщину вы позарились. Выгребли у одинокой барыни все зерно, семью голодать оставили. Чуть не спалили. Сейчас будем проверять, кто сколько прихватил себе. Уверен, ваши подстрекатели себе больше всего заграбастали. Лучше верните по-хорошему, а то прикажу, казачки всех непокорных прилюдно высекут.

Толпа, как замороженная, единым взглядом подняла глаза на ухмыляющихся казаков, а каждый в отдельности понял: «Эти высекут». По спинам мужиков пробежала волна холодных колючих мурашек: «Да еще и позор прилюдно терпеть».

– Ну, кто зачинщик? Выходи вперед.

Все затихли. Столыпин сделал еще шаг вперед. Мужики от страха стали выталкивать баламутов, те пытались хорохориться.

– Нет, мужики, это вы мне не тех сдаете, это такие же дурни как и все остальные. Здесь промышляет кто-то поопытней да полукавее.

В начале века

При этих словах толпа разделилась и обозначила человека в длинном плаще с капюшоном, с круглыми запотевшими очками на носу, с широкими ноздрями, которые нервно дышали и раздувались, и с непременными усиками над толстыми губами и бородкой клинышком под ними.

– Вот этот похож.

– Сослан к нам на поселение, – прошептал Столыпину главный полицмейстер, – с питерского металлического завода.

– Ах, вот оно что? Так он в Питере набуянил, и его к нам заслали, нашу жизнь отравлять. Полицмейстер, готовь документы на этого, а самого в железо и этапом Сибирь-матушку осваивать, да смотри в самый медвежий угол, где людей поменьше, а зверье позлее, чтобы не сбежал. А этих недоносков в ближайший околоток. Там вразумить и толково объяснить. Взять с них слово, что будут вести православную, добропорядочную и законопослушную жизнь, и отпустить по домам. Ну, а теперь, господа казаки, как положено, пошли по домам. Собирайте награбленный хлеб по списку и по весу.

– Да, кстати, где там каравай с солью? Давайте его сюда, попробуем, на что ваши женщины способны.

Подали каравай на чистом полотенце. Столыпин отломил кусок, с удовольствием пожевал и проглотил его.

– Ну вот, ваши женщины, оказывается, умнее вас, хороший хлеб пекут. Вот этим и надо заниматься, а не всякую социалистическую шваль слушать. Староста, подавай уж к хлебу молока, маковой росинки во рту с утра не было.

На обратном пути в Саратов Петр Аркадьевич отправил домой нарочного с наказом топить баню. После недельного рейда на коне, да еще и плечо мозжило от камня, хотелось напариться и вытянуться в чистой, широкой постели.

На крыльце парадного подъезда его встречали дочери: Старшая, завидев отца, с криком: «Маменька, выходи из дома, папенька приехали», – кинулась в дом. На шум стала собираться дворня, а из распахнутых дверей выходили домочадцы. Младшая дочка бросилась отцу на руки.

Это был уже не тот губернатор, который кастил крестьян, готовый сам броситься в драку. Перед семейством стоял добрый, улыбающийся и всеми любимый муж и отец.

– Пап, а пап, а ты новую сказку придумал?

– Придумал, – на ухо дочери сказал он.

– А о чем она?

– О девочке с двумя носиками.

– А, о чем в ней говорится?

В начале века

– Э...э, не сейчас, я сейчас пойду попарюсь в бане, потом все вместе поужинаем, потом с сестренкой вы ляжете спать, вот тогда я и расскажу, о чем эта сказка.

* * *

Первой попыткой утвердиться П.А. Столыпину на правящем Олимпе Российской империи было предложение его родственника обер-прокурора Синода князя А.Д. Оболенского в октябре 1905 г. о выдвижении кандидатуры Петра Аркадиевича на пост министра внутренних дел. Однако, лица, причастные к принятию решения мало его знали, а С.Ю. Витте видел на этом посту только П.Н. Дурново.

В апреле 1906 г. правительство Витте само ушло в отставку, и кандидатура Столыпина на пост министра внутренних дел вновь выплыла.

Формировавшееся правительство И.Л. Горемыкина представлялось всем как сборище реакционеров. Сам же престарелый Горемыкин не понимал, зачем это он вновь понадобился власти. Ему в домашней тиши на отдыхе и так нравилось. А здесь, нате вам, в третий раз приходится натягивать на плечи премьерский мундир. О Столыпине в то время вспомнили по докладу Д.Ф. Трепова 1905 г., в котором тот отмечал, что благодаря личным заслугам губернатора порядок в Саратовской губернии наведен полностью. В действительности это было не совсем так. Петр Аркадьевич вначале действительно лично участвовал в карательных экспедициях, но понял, что благоразумнее перенести эту ношу на плечи военных. Потому ему удалось прослыть либералом, что было кстати. Замена явного карателя П.Н. Дурново на либерального Столыпина казалась в глазах многих удачным ходом. Никто не сомневался, что «двигали» Столыпина его шурины Д.Б. Нейгардт и Д.Ф. Трепов, который пристрастился к разыгрыванию перед царем мудреных назначенческих комбинаций.

Став министром внутренних дел, П.А. Столыпин отличился тем, что стремился объединить тех землевладельцев, которые видели в крестьянской общине организацию, готовую к погромам их имений под знаменем борьбы с малоземельем. Вместе с тем ему удалось осуществить контакты и с председателям I-й Думы С.А. Муромцевым, и с лидером кадетов П.Н. Милюковым.

После роспуска Думы И.Л. Горемыкин, казалось, больше ни на что не был годен и никому не нужен, к тому же все больше стали поговаривать о необходимости послабления политики в отношении либералов. Николай II как-то заметил: «Старый Горемыкин дал мне совет, указавши только П.А. Столыпина! И за это спасибо ему». Действительно в складывавшихся

В начале века

условиях П.А. Столыпин оказался самой подходящей фигурой на пост главы правительства, и Петр Аркадьевич наконец-то получил возможность составить программу преобразований, о которой он давно мечтал. Но опять же помешала революция.

На заседаниях Правительства он изъяснялся определенно и недвусмысленно: «Господа, – говорил он, – наше дело – преобразования, необходимость в коих для России очевидна. Пожалуй, всем здравомыслящим ясно, что социалисты разных мастей пытаются этот процесс остановить, так как чем успешнее будем действовать мы, тем очевиднее будет их ненужность. Уверен, они, как паразиты, размножаются в теле государства, когда мы медлим. Обратите внимание, все их бомбы и террористические акты начинали массово производиться, когда государство приступало к реформам. Поэтому вопрос стоит так: либо реформы, – либо революция. Из этого следует, что мы должны использовать все возможные средства, в том числе, хотим того или нет, подавлять всякие проявления мятежей, опережать их, а разносчиков революционной заразы попросту уничтожать».

Столыпин встал из-за стола и прошелся по кабинету, члены правительства перешептывались между собой, обсуждая сказанное главой правительства.

– Но главное при этом, – как бы высказывая свои мысли вслух и не обращаясь ни к кому, резюмировал Столыпин, – это реформы.

– Петр Аркадьевич, – из-за стола поднялся А.В. Кривошеин, которому предстояло стать главноуправляющим землеустройством и земледелием, – я готов полностью поддержать Вашу идею, но мне не дает покоя опыт Сергея Юльевича Витте, ведь он тоже стремился к реформам, но координальных перемен в нашем обществе так и не произошло.

– Ваше замечание вполне уместно и своевременно. Однако, я не вижу оснований отказываться от реформ. Нам предстоит начать с того, на чем С.Ю. Витте остановился, извлечь из его деятельности положительный опыт и постараться если и допускать, то поменьше ошибок. Вот поэтому необходимо в кратчайший срок собрать во всех ведомствах проекты, которые уже разработаны Сергеем Юльевичем. И давайте при этом не будем считать, где чьи заслуги. Как сказано в Писании? Бог «воздаст каждому по делам его». Нам предстоит вдохнуть свое понимание проблемы и действовать сообразно этому. Нашим лозунгом должно стать «Единое понимание замысла реформ и единая воля при их реализации».

В начале века

Март 1907 г. Россия, Санкт-Петербург. Заседание Государственной думы

Члены Государственной думы спешно занимали свои места в томительном ожидании выступления главы правительства П.А. Столыпина, который должен был прокомментировать программу реформ по проведению преобразований в России. Однако, он задерживался у императора, и слово было предоставлено депутату фракции кадетов, который долго и нудно пытался сосредоточиться на чем-то главном, но его мысли тонули в чтении каких-то документов и деклараций. Попутно он не забывал «поддеть» правых и правительство, что в конечном итоге нагоняло изрядную скуку на участников заседания.

Положение усугубил своим выступлением В.М. Пуришкевич, который вновь и вновь требовал репрессий для печати, которая занимается, как заявил он, стравливанием различных слоев населения.

Когда доза снотворных заявлений достигла критической отметки, в дверях зала заседания появился П.А. Столыпин, за ним – А.В. Кривошеин, главный теоретик землеустройства датчанин А.А. Кофод и несколько членов правительства. Зал моментально взбодрился, а председательствующий пригласил Столыпина за кафедру. Внешне Петр Аркадьевич вел себя спокойно. Он деловито разложил свои бумаги на кафедре, внимательным взглядом осмотрел аудиторию. Некоторая бледность в лице выдавала его внутреннюю напряженность: он понимал, что «своей» партии в Думе у правительства нет, и поэтому можно было ожидать критики за промахи в докладе со всех сторон.

В ночь перед заседанием Государственной думы П.А. Столыпину не спалось. Он долго ходил по кабинету, брал рукопись доклада, еще и еще раз пролистывал ее и убеждался, что все там сказано как надо. Но примет ли это Дума, ведь кого-то программа реформ напугает, а кому-то они попросту не нужны. Он вспомнил Шекспира: «Быть или не быть?» Подошел к окну, с Невы дул холодный, промозглый ветер, внушавший людям в ночи беспокойство. Иногда он достигал такой силы, что стекла в окнах начинали потрескивать. «Действительно, – подумал Столыпин, – Россия стоит перед выбором: «Быть или не быть?» Без реформ еще одна, две войны, революция, и Россия лет на семьдесят–сто погрузится в хаос и потрясения, а с реформами она возвысится и вновь обретет свое Величие. Он понимал, с этим связано и его будущее: «Случись чего, в Колноберже уже не отсидишься, я уже не смогу теперь жить тихой, размеренной жизнью добропорядочного помещика, и армия не моя стезя, раньше надо было начинать».

В начале века

Петр Аркадьевич невольно взглянул на икону в углу кабинета, он не был набожным человеком, но всегда чтит святыни. – «Господи, – вырвалось у него из груди, – уж если я принял сию чашу, то не оставь меня в трудную минуту, вразуми меня, Господи, и наставь на путь истинный».

Он вновь подошел к окну, ветер усиливался и грозил тому, что воды Невы поднимутся и заполнят ближайшее пространство. Столыпин еще раз прошелся по кабинету, подошел к рукописи и склонился над ней. Завтра о ней заговорит весь мир или ее можно будет выбросить в мусорную корзину. Перед его взором возникли лица его явных противников, которые наверняка делали все, что можно, чтобы провалить его выступление в Думе. Они будто вопрошали: «Откуда ты на нашу голову взялся, покоя нет от тебя. Но мы еще посмотрим, как ты будешь заворачиваться? А то ишь, взялся: мужика просвещать, хуторами и отрубам наделять. Ты еще ему винтовки дай, пусть он громит барские имения. Марат, ты наш эдакий. Или в Робеспьеры метишь? Смотри.., удавка на тебя всегда найдется». От этого видения Столыпина аж передернуло. Он еще и еще раз прошелся по кабинету. «Ну, ну, – подумалось ему, – посмотрим, Я вам то же не мальчик для битья, а глава его Императорского величества Правительства Государства Российского. Остановился, посмотрел на портрет Николая II. Его лик был писан благородным, каким он и был на самом деле. Император взирал на него сверху задумчивым, но приветливым видом. «Только бы царь не дал слабину, а то эти обложат со всех сторон, будут нашептывать, смущать. А батюшка наш доверчив, не приведи, Господи, отступиться. «Иди, – не услышал, а почувствовал слова Николая II Столыпин, – пока я с тобой все будет нормально».

Петр Аркадьевич снова склонился над рукописью. Как же начать свой доклад? От этого многое зависит.

– Господа члены Государственной думы! – начал он. – Вы давно настаивали на том, чтобы правительство изложило свои намерения перед вами. Я всегда стремился к тесному сотрудничеству с Думой и рад предоставленной мне возможности высказаться о наших планах.

Мы не раз повторяли, что стремимся к созданию Великой России. Однако это величие различными слоями нашего населения видится по-разному, поэтому мы составили свою программу реформ, которая отражала бы интересы не отдельных слоев населения, а государства Российского, что является залогом процветания каждого гражданина.

Столыпин сделал небольшую паузу и внимательно осмотрел аудиторию. Было очевидно, что безразличных к сказанному перед ним не было. Участники обменивались впечатлениями от услышанного. Группа депутатов даже что-то сосредоточенно записывала.

В начале века

– Пособраннее, товарищи, – руководил ее работой старший, – поменьше отвлекайтесь на второстепенное. Записывайте главное, учитесь за словами наших идейных противников видеть их сущность.

Он протер пенсне платком, этим же платком испарину на лбу, шею, высморкался, вытер под носом и продолжал.

– Вот, к примеру, он говорит: «Вы давно настаивали», мы записываем: «Наконец-то господин Столыпин соизволил по неоднократно настоянию Думы выступить перед ней и посвятить депутатов в замыслы правительства». Или же пишем: «Оказывается, программа реформ выражает не чаяния широких народных масс, а государства, то есть царизма». Вот видите, как все получается, если анализировать сказанное с точки зрения партийности и классовой теории. Так, внимание продолжаем слушать.

– Поэтому, – продолжал Столыпин, – мы делаем ставку не на пьяных и слабых, а на разумных и сильных личностей. Только просвещенная, трудолюбивая, целеустремленная личность способна стать созидающей силой, производителем товарной продукции.

– Успеваете записывать, товарищи? Обратите внимание на его слова «пьяные и слабые», ведь это его отношение к народным массам, а будущее он видит за аморфными просвещенными личностями. То есть речь опять же идет о дворянстве и ее отдельных, как он выразился, целеустремленных личностях. Иными словами, творчеству масс противопоставляют отдельные личности, к которым Столыпин, конечно, относит и себя. А это, знаете ли, пахнет буржуазно-помещичьей диктатурой.

– Господа, члены Государственной думы! Часто приходится слышать, что усилия правительства направлены, прежде всего, на аграрную реформу. Это не совсем правильное понимание нашего замысла.

– Так, так, так, – тихо, но возбужденно пробубнил депутат с испариной на лбу и подтекающим носом, – запишем, что «правительство не считает аграрный вопрос первостепенной важностью и стремится тем самым сохранить в деревне всевластие крупных землевладельцев». Товарищ Губарев, пойдите, и позвоните в редакцию газеты, чтобы непременно оставили место в сегодняшнем номере для нашего отчета. И непременно в сегодняшнем, народ должен, наконец, услышать правду в том, что его ожидает, кроме «столыпинских галстуков» и казачьих нагаек.

– Программа правительства направлена на оздоровление всего организма российского общества. Поэтому на первое место я бы поставил создание механизма общего для всех правового пространства, которое предоставило бы каждому права и свободу, чтобы каждый мог действовать не по своему наитию, а в рамках законности. Для этого необходима судебная реформа. Важно установить баланс интересов между личностью, обществом,

В начале века

государством и церковью, ликвидировать национальные ограничения, в том числе евреев.

На этих словах депутат резко оторвался от своей писанины и ошалело всмотрелся в Столыпина.

– Вот он, вот он, Макиавелли XX века, заврался до предела, кто бы и поверил ему, но только не мы. Видали мы таких, нас не проведешь на мякине. Мы вас, господин Столыпин, выведем на чистую воду. Дайте мне еще бумаги, – нервно обращаясь к своим, сказал он.

Группа встрепенулась. «Дайте бумаги, писать не на чем». Все как замороженные смотрели на старшего: «А что делать нам? Что писать?»

– Не отвлекайте меня, пишите, как понимаете, потом разберемся, – думая о чем-то о своем, старший, склонившись над пачкой бумаги, принялся строчить что-то дальше. При этом он продолжал бубнить себе под нос, иной раз злобно ухмылялся своим мыслям или чуть порывивая грозился кого-то разоблачить, наказать и вообще выбросить на свалку истории.

Его товарищи по фракции недоуменно переглядывались, пожимали плечами, заглядывали в конспекты соседей, всем своим видом показывая, «а им-то что писать?» Понять все сразу, вот так, без какой-либо установки было не просто. Хотя речь Столыпина сама по себе была ясна, но вот, что стояло за хитросплетением его слов, неискушенному уму народных избранников было сложно. Они готовы были жечь дворянские усадьбы, с голыми руками идти на цепи казаков, но здесь надо было думать и не просто думать, а разоблачать хитрые замыслы царского правительства.

От очередного заявления Столыпина старший аж засопел, а карандаш под его рукой от усердия хрустнул и сломался. «Дайте новый карандаш, а этот заточите», – захрипел он. Дали карандаш.

Далее Столыпин подробно прокомментировал пакет документов относительно реформы местного самоуправления.

– Ишь, каков, хочет всех повязать по рукам и ногам, да еще чтобы трудящиеся массы плясали под их дудку. Хорош гусь! Но нас не проведешь.

Депутаты в косоворотках кинулись скорее, пока не забыли, записывать слова старшего.

Докладчик остановился на минуту перевести дыхание. Он выпил глоток воды. За внешним спокойствием Столыпина скрывалась тягостная мысль, которая не давала ему покоя – как Дума поймет его отчет и как она отнесется к замыслу правительства. Во многом от этого зависело будущее его программы.

– Я вижу, – отвлекаясь от доклада, проговорил он, – что некоторые господа, члены Думы, делают за мной свои записи. Смею заверить, что вся информация правительства будет опубликована.

В начале века

– Публикуйте, публикуйте, хоть опубликуйтесь, а мы уже завтра откроем глаза народа на Ваши выкрутасы, пусть все знают, что Вы там напубликовали и как хотите оболванить трудящиеся массы.

– Я думаю, – продолжил Столыпин, – что пора переходить к экономической части нашей программы. Прежде всего, предстоят реформы налоговой политики, которая должна закрепить экономические права в области крупного, среднего и мелкого предпринимательства, помочь среднему классу встать на ноги и включиться в процесс возрождения России. В центр налоговой политики правительство ставит прогрессивное налогообложение. И второе – все категории населения должны получить реальную возможность пользоваться дешевым кредитом.

И, наконец, господа, члены Государственной думы, вопрос о землеустройстве.

После этих слов наступила абсолютная тишина. Прекратились всякие перешептывания и движения, все взоры были обращены на докладчика. Столыпин знал, что этот вопрос привлечет внимание, но он не ожидал, что это внимание перерастет в такую степень напряжения, которая разрядившись либо сметет его и правительство, как ураган способен вырвать из земли с корнями вековые деревья, либо он получит полную свободу и поддержку своим начинаниям.

– Так, так, – злорадно пробурчал руководитель «косовороток», – так и запишем, что вопрос о земле был поставлен в самую последнюю очередь.

– В ответ, – начал Столыпин, – на разрушительное движение и открытое разбойничество, приведшее к разорению честных тружеников и развращению молодого поколения, правительство намерено предложить программу созидательных мер землеустройства. Это будут крупные преобразования, которые должны привести нас к повышению благосостояния основного земледельческого класса государства, поставить на ноги и дать хозяйственную самостоятельность многомиллионному сельскому населению. Только при этих условиях мы сможем реализовать те планы, о которых я сегодня докладывал, и, в конечном итоге, – создать основу, на которой прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание.

Столыпин хотел продолжить и приготовился сказать следующую фразу, но аудитория не дала сделать ему это. Зал, его центр и правая часть взорвались оглушительными рукоплесканиями, возгласами «браво». От неожиданности Петр Аркадьевич даже слегка вздрогнул, а посмотрев перед собой, понял: «Это прорыв, наконец-то для правительства появилась реальная возможность опоры на большинство Думы и тех, кто стоял за этим большинством». Когда зал стих, он продолжил.

В начале века

– Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится в тисках общины, он остается рабом. При этом, я постоянно это подчеркиваю, что правительство считает совершенно недопустимым принуждение и насилие над свободной волей крестьян. Правительство не намерено насильно ломать общину, но стремится убедить крестьян, что только свобода человеческого труда может из крестьянина-раба сделать крестьянина-хозяина, производителя, создать широкий слой крепких собственников.

Правительство, выступая против насилия над крестьянством либо гнета чужой воли над свободной волей крестьян в деле устройства их судьбы, распоряжения его надельной землей, стремится создать условия для раскрепощения земледельческого класса, поэтому наш законопроект исходит из того, что не земля владеет человеком, а человек должен владеть своей землей. Если крестьянство последует нашему призыву, то мелкий земельный собственник явится ядром будущей мелкой земской единицей. Он трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток.

Зал вновь рукоплескал докладчику, а наш депутат злобно требовал дать ему еще бумаги и новый карандаш. «Реакционеры всех мастей, – писал он, – аплодировали докладчику...».

– Когда я говорю «убедить» крестьян, – продолжал воодушевленный Столыпин, – то имею в виду не просто уговоры. Мы имеем программу просвещения народного, так как только грамотный и просвещенный человек может правильно разобраться, в чем его выгода, а в чем пустые хлопоты. Мы будем стремиться создать единую общедоступную сеть, включающую начальное, среднее и высшее образование, а также различного рода профессиональные учебные заведения, воскресные и вечерние школы, училища и курсы.

Заканчивал свое выступление Столыпин под бурные аплодисменты и выкрики «браво».

– Правительство должно избегать лишних слов, но есть слова, выражающие чувства, от которых в течение столетий усиленно бились сердца русских людей. Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам в противовес беспочвенному социализму. Это желание, это страстное желание обновить, просветить и возвеличить Родину в противовес тем людям, которые хотят ее распада.

При выходе из зала заседания Столыпина окружила толпа репортеров, засыпавших его вопросами. Многие из них хотели знать, насколько реальны планы правительства.

В начале века

– Господин Столыпин, неужели Вы верите, что изложенные Вами планы правительства реальны? Даже просвещенные страны Европы вряд ли отважились бы на такие масштабы преобразований. А Россия – захолустье цивилизованного мира, чтобы привести ее в порядок, и ста лет будет мало.

– Это Вы ошибаетесь. Наша программа вполне реальна. Мы не утописты-мечтатели, которые вначале что-то сделают, а потом пытаются обосновать сделанное, поэтому у них все наперекосяк, а чтобы исправить содеянное приходится прибегать к крайним мерам. У нас же все просчитано, все части программы взаимосвязаны и взаимообусловлены. К примеру, мы заботимся о просвещении народа и подсчитали, что требуется для его образования, какое необходимо финансирование, и только на такой основе формулируем программу. При этом мы знаем: необразованный, невежественный человек никогда не освободится от духовного рабства, а значит не может участвовать в решении поставленных задач. Кому-то может и ста лет на все это мало, а мы подсчитали, что нам нужно двадцать лет, чтобы Россия приобрела величие перед цивилизованным миром.

– Двадцать лет развития с нулевой отметки – это ли не утопия?

– Ваше заявление свидетельствует о полном непонимании происходящих в России с конца XIX века перемен. Кто-то может и хотел бы представить Россию на нулевой стадии развития, но это не результат анализа, а политические амбиции. Загляните в отчеты европейских экономистов и обозревателей. Там вполне признается, что Россия уже сегодня вполне конкурентна с ведущими странами. Так что говорить о «нулевой отметке» поздно, это могут позволить себе либо люди малосведующие, либо наши злопыхатели и противники.

В те дни европейские газеты переполнились комментариями доклада П.А. Столыпина. Так в передовой статье газеты «Tagliche Rundschau» подчеркивалось: «Государственная дума, по-видимому, решила относиться к г. Столыпину с доверием. Без преувеличений можно сказать, что будущее России покоится на плечах г. Столыпина. Очень возможно, что он и есть тот герой-рыцарь, которого ждет Царь для спасения России...».

* * *

18 марта 1907 г.

Россия, Санкт-Петербург.

Кабинет П.А. Столыпина

Помощник главы правительства доложил утреннюю почту.

– Это все, что еще?

В начале века

– Петр Аркадьевич, продолжают поступать письма и телеграммы в Вашу поддержку.

– Вы, кстати, отправили мой ответ на поздравление С.Ю. Витте?

– Конечно, в тот же день.

– Что на сегодня?

– Адрес, подписанный несколькими тысячами людей.

– Даже так!? «Несколькими тысячами»?

– Да, представьте себе, все они из разных слоев общества.

– Дайте, я сам прочитаю.

После чтения письма Столыпин явно волнуясь таким, во многом неожиданным резонансом в обществе, повернулся к помощнику.

– Пишите мой ответ и свяжитесь от моего имени с А.С. Сувориным с просьбой поскорее опубликовать это в «Новом времени».

– «...Вполне оценивая ту необычайно высокую честь, которой я удостоен, я хорошо понимаю, что отклик общества относится ко мне лишь постольку, поскольку я являюсь верным исполнителем воли и предначертаний моего Государя...

Хочу выразить всем, оказавшим мне глубоко тронувшее меня внимание, особенно дороги мне отныне имена крестьян, мою самую сердечную благодарность и уверения, что в сочувствии общества правительство почерпнет новые силы продолжать, с верою в светлое будущее России, порученное ему Государево дело. А для меня служить во славу Родины и Царя – высшая цель и высшее счастье».

Эйфория – сладостное, но быстро проходящее чувство. Крупные землевладельцы так и не прониклись замыслом Столыпина, а потому не хотели перемен, левые боялись перемен, какие предлагались в программе правительства. Каждый желал измерять реформы своим аршином.

– Экономическое и финансовое положение России в настоящий момент превосходно, – предупреждал свое Правительство французский экономист Э. Тэри, изучавший по его поручению положение дел в России, – от правительства зависит сделать его еще лучше. Если дела пойдут таким же образом, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении.

Придворные интриги со временем охладили отношение Николая II к Столыпину, а ему так и не удалось создать своей партии в Думе. Но правительство наперекор всему шло своим курсом и Россия преодолела тяжелейший кризис начала XX в., в 1909 г. обозначился ее экономический подъем. За последовавшие предвоенные годы она увеличила объем производства в полтора раза, в индустрии страны явно чувствовалось

В начале века

превосходство тяжелой промышленности над легкой. Это позволило России сравнительно быстро занять пятое-шестое место в мире. Русский рубль стал одной из твердых конвертируемых валют, а его золотое обеспечение было одним из самых прочных в Европе. По ряду важнейших показателей она превзошла Францию.